

Я, ЦЕЗАРЬ

ФАНТАЗИЯ О ЖИЗНИ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

ЕЛЕНА КУШНИР

Елена Кушнир Я, Цезарь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30094198

SelfPub; 2018

Аннотация

Бог в кровавом плаще. Мужчина, воспитанный женщинами. Больной, страдающий от проклятия Аполлона, в которого он не верит. Он разговаривает с Римом, а не с людьми, и живет, держа за руку свою Смерть. Его имя бессмысленно и останется в вечности. «Цезарь» означает лишь Цезаря.

Содержание

Juventa	5
Nomen est omen	14
Nominem quaero	21
Fidelitas	26
Bithynia	32
Mare internum	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Божество любит являться нам ночью и приоткрывать завесу над нашим грядущим, – не для того, однако, чтобы мы сумели уберечь себя от него (ведь людям не под силу справиться с роком), но для того, чтобы с большим смирением мы к нему отнеслись.

Ахилл Татий. Левкиппа и Клитофон.

Juventa

Ему исполняется пятнадцать лет, когда отец умирает.

Остаются женщины и он сам.

– Держи спину прямее, – говорит мать.

– Улыбайся взрослым почтительнее, – наставляет тетка.

Меньше года назад он облачился в *toga virilis*, тогу совершеннолетия, но как старший в роду мужчина стал главой семьи. Такова воля Сената и народа Рима, подкрепленная божественным правом. Люди вечно твердят о богах. Послушать их, богов можно найти везде. Наверху, внизу, вокруг толпятся целые сонмы высших существ.

Юноша оглядывается по сторонам и никого не видит.

Он смотрит на небо, царственную обитель Юпитера, но думает о море. О стремительно вершащихся переменах в жизни, изменившейся за один день, за одну смерть. Судьба приходит бурным приливом, обрушивается стенами соленой воды, и нужно выплыть, как плыл в сказаниях Одиссей: «После того же как волны свирепые плот мой разрушат, вплавь я пушусь: ничего уж тогда не придумаешь лучше!»¹

Он не знает, к какому берегу направить свою робкую лодку. Стать политиком, законником, военным? Уехать в провинцию и жениться на дочке богача, польстившегося на имя

¹ Гомер «Одиссея».

знатной семьи? Сделаться молодцеватым пиратом, отнять галеру у потерявшего хватку старого одноглазого капитана; встречать рассветы лихими набегами, а закаты – буйными пирами; захватить изукрашенный золоченой резьбой корабль под пурпурными парусами, на борту которого прекрасная армянская царевна с черными очами вдруг улыбнется ему и скажет...

– Глупость, – злится он на свою юность, – детские мечты!

Проверяя, не проклюнулась ли щетина, он проводит по щеке ладонью. Тонкие волоски пробиваются неровно, как мох на лесной коряге.

– Моя траурная бороденка выглядит жалко, – сетует он. – Матушка и тетя не позволят мне выступить на похоронах, для них я по-прежнему дитя. А я мог бы сказать нечто возвышенное: «Великое горе постигло всех нас, ведь отец мой был достойнейшим из римлян, и потеря достойнейшего гражданина коснется всех».

Оценив свои потуги на красноречие, он приходит в ужас.

– Никуда не годится, сплошные повторы! С такой речью я опозорюсь. Попробую иначе: «Великое горе постигло Рим, ведь отец мой был достойнейшим из граждан, утрата его коснется всего Рима...» Ах, теперь я, как заика, твержу про Рим, будь он неладен!

Слово ценится в Республике высоко, без красноречия не построить карьеры и не завоевать сердца людей. Но уж лучше помалкивать, чем сдувать с губ словесную шелуху.

Войдя в азарт, он вздымает руки, принимая величественную позу, и начинает торжественное завывание:

– «Отец мой, как известно всем, немало послужил Республике! Есть ли для Рима утрата горше, чем потеря достойнейшего из сыновей?» – Ну, наконец-то изрек нечто сносное.

С улицы доносится дикий ослиный рев, сменяемый раскатистым смехом из цирюльни, расположенной в соседнем доме. У брадобрея Луция веселый нрав и луженая глотка, он и осла перекричит.

Детишки, вбивая в камни мостовой подошвы сандалий, бегут к фонтану за водой. Визгливый женский голос шумно ругает какого-то Тита, пришедшего домой в шестом ночном часу пьяным вдрызг.

Трудно сосредоточиться на составлении погребальной речи.

– Отец мой, как известно всем... – запнувшись, юноша печально вздыхает. – По правде сказать, отец редко бывал дома. Я его не виню.

Родительский дом до смешного мал и расположен в Субуре, где на каждую лавчонку приходится по борделю. Проститутки зазывают клиентов, лавочники торгуются и везде снуют чужеземцы, из которых одни иудеи, перешептывающиеся на странном певучем наречии, ведут себя тихо и жмутся на улицах к стенам, чтобы не привлекать излишнего внимания.

Иудеев недолюбливают и потешаются над их верой.

– Какими дураками надо быть, чтобы поклоняться одному

божеству? – недоумевают римская чернь. – Молишься многим богам – получишь много. *Dout des*. Воздаю тебе, а ты воздай мне². Вот разумная сделка. Что за глупый народ?

Помимо иудеев, норовящих прошмыгнуть поскорее, точно серые мыши, разгуливают по кварталу и другие, кому не повезло родиться римскими гражданами. Вызывающе дерзкие галлы с длинными нечесаными космами и металлическими серьгами в ушах; африканские дикари с угольной кожей; желтолицые египтяне с глазами, разбегающимися к вискам; деловитые бородатые греки.

Вглядываясь в пеструю толпу, юноша впервые понимает, как велик и разнообразен мир.

И впервые осознает, что Рим – его центр.

Он настораживает все чувства, чтобы услышать, как бьется сердце мира.

– Слушай, слушай, слушай, – нашептывает, кричит, стонет, грохочет, взывает к нему Город.

Субура тонет в гомоне голосов, захлебывается смешением речей и звуков.

Густой воздух дрожит от гулкого топота бесчисленных ног, надменного конского ржания, зычных призывов торговцев и жалобных воплей попрошайек, неприличных песен в тавернах, лязганья мечей в пьяных драках, свиста ножей наемных убийц в глухих подворотнях.

² «*Dout des*» («Воздаю тебе, а ты воздай мне») – традиционное обращение к богам, чью милость римляне надеялись снискать жертвоприношением.

Дороги загажены испражнениями животных, и приходится омыwać ступни, входя в вестибул³. Облупившиеся стены испещрены рисунками, от которых матери прячут глаза незамужним дочерям. А надписи, уличные надписи! Этот «гадит», та «сосет», «псы имели твою мамашу», «Пинна – тупая корова»... Не только невинная дева покраснеет или хихикнет невольно, проходя мимо.

Юноша, прищурившись, ищет взглядом нарядную зелень Палатина, где обитают в беломраморных виллах, изукрашенных внутри фресками, богачи. Далек высокий холм от Субуры, не добраться.

Дом, в котором он появился на свет, когда матери разрезали чрево, задыхается между мясной лавкой и таверной. Острые запахи проникают в комнаты, бесцеремонно залезая в ноздри: кислятина дешевого вейнского вина, вонь исторгнутой из переполненных утроб рвоты, гнилостный душок выставленных на прилавке козлиных голов, которых давно пора скормить бродячим псам.

После декабрьского дождя перед домом растеклась глубокая лужа. Раб, направляясь в прачечную с тюком собранного для стирки белья, видит, как молодой хозяин беспокойно кружит по стертым каменным плитам дворика, роняя на них невнятные слова и не замечая, как мочит кальцеи⁴ и полы черной тоги в грязной воде.

³ Площадка или дворик перед входом в дом.

⁴ Вид закрытой обуви, напоминающей мокасины.

– «Отец мой, как известно вам...» О, боги, что за чушь! Как неловок мой язык! Были бы деньги, отправился бы на обучение к этому чистому роднику красноречия Апполонию Молону. Гнусная бедность, сколько преград она ставит на пути! Однако, – юноша внезапно довольно ухмыляется, – «чистый родник красноречия» это недурной оборот, верно? К чему бы его применить?

Задумавшись, он так и застывает в луже.

Зимний ветер отбрасывает неласковой рукой край траурного плата, открывая взрослые серьезные глаза и пухлый детский рот, словно лицо еще не решило, кому принадлежит – *paterfamilias*, старшему в роде мужчине, или школьнику, что чаще использует стило не для письма, а чтобы почесать в ухе.

Ритуал вхождения в возраст мужественности состоит из нескольких стадий. Каждая из них предполагает умение пронзять человеческое тело.

Сначала нанятый за плату воин учил его владеть оружием. Но те уроки, как мальчик понял позднее, напоминали игру: вместо истинного мастерства – бестолковое размахивание мечом. Солдаты, подрабатывающие педагогами, чаще стремились произвести впечатление на родителей учеников скопированными с фресок красивыми позами, а не демонстрировали настоящие боевые приемы.

После воинских занятий пришел черед урокам любви.

Тогда юноша посетил свою первую женщину, проститут-

ку родом из дальних земель, лежащих за Рейном. Он провел большую часть своего визита в лупанарий, расспрашивая об ее родном крае, чем немало удивил, ведь обычные посетители желали от нее вовсе не разговоров.

Но беседа и вслушивание в ее замысловатый говор оказались для него полезнее соития: удовольствие было кратким, а полученные знания можно положить в копилку разума и долго черпать их оттуда.

Ее история была проста: когда она была маленькой девочкой, пришли воины и убили отца, мать и братьев, а ее забрали в плен и продали содержателю лупанария – толстому педерасту с восковым лицом и красной бородой.

– Рим взял меня, – сказала она безразлично, давно смирившись со своей участью.

А юноша подумал: Рим всегда берет то, что захочет.

– Как твое имя? – спросил он.

Он старался узнавать имена всех людей, с которыми его сводила судьба. И он совсем не хотел предаваться первым венериным утехам с безымянным, как бродячая собака, существом; разве это не свело бы священнодействие любви до ничтожного животного акта, унизив его самого?

Та женщина была рабыней, вещь в человеческом теле, служащем для удовлетворения похоти. Лицо ее теряло свежесть, а в глазах не было блеска, способного разжечь страсть, о которой пишут поэты, и ощущалось во всем происходящем нечто грустное и стыдное, о чем хотелось поскорее забыть.

Но он заставил себя помнить.

Он хотел знать ее варварское имя, чтобы назвать светлые волосы и потухшие голубые глаза, губы и руки, лоно и грудь, ведь время утянет в могилу плоть, только имя останется, его сила не даст забыть человека, словно его и не было в мире. Потребность, жажда не исчезнуть целиком после смерти владела им всегда, словно он родился с нею и ощущал, как незримые знаки, вырезанные на его костях.

Смерть не должна быть концом, вот что он решил для себя твердо.

Уходя из тесной комнатухи без окон, где сонно чадили светильники, он вложил женщине в ладонь последний серебряный денарий.

– Не отдавай хозяину, припрядь. Может, накопишь себе на свободу.

– Свободу, – повторила она медленно, будто не понимая значения слова.

Она поцеловала его на прощание в щеку, от чего он покраснел. Лишь в том целомудренном поцелуе и была трогающая сердце близость.

Когда он вернулся домой, отец одобрительно хлопнул его по спине:

– Вот ты и стал мужчиной.

Но это была неправда.

Не ребяческие игры с мечом и не объятия рабыни-северянки возвели его в возраст мужественности. Это сделала

первая, узнанная им смерть, которой можно было испугаться, попятиться малодушно назад, прячась за женские юбки, юный возраст и древнее имя.

Вместо этого Гай из рода Юлиев назвал себя Цезарем и обручился со Смертью, и с тех пор она шла с ним рядом, как старая верная подруга, отмечая каждый его новый шаг и самые значительные вехи пути, крепко поддерживая за плечо костлявой рукой.

До конца.

Nomen est omen

– Всегда помни, что принадлежишь к древнейшему патрицианскому роду, – сказала однажды мать, когда ему пришлось надеть трижды заштопанную после его ребяческих игр застиранную тунику, – такого не купишь ни за какие деньги.

Его происхождению можно только позавидовать, но семья Юлиев давно обеднела, большинство родственников лишено влияния в обществе, а Рим пахнет гражданской войной. Металлом, дымом, облаками пыли под копытами боевых коней. Кровью.

Рим раздирает на два имени, звучащие, как бронза кимвалов: Цинна и Сулла. Гай Юлий слышит, как звенящие отголоски разносятся по всей стране.

Его личное, а не родовое имя не унаследовано им от отца. Его когномен не означает ни «честный», ни «жестокий», ни «счастливый», ни «худой», ни «рыжий», ни «левша».⁵

Прозвище «Цезарь» не обозначает вообще ничего.

Он угадывает в этом редчайшую возможность наполнить слово только тем смыслом, который придумает сам. Ему достался чистый свиток, и он волен вписать туда, что угодно – богатство, славу, мудрость, власть, любовь и уважение со-

⁵ Точное значение когномена Цезаря неизвестно в отличие, например, от прозвища «Сцевола», означающее «левша».

граждан. Однажды люди станут говорить:

– Цезарь? Ну, вы знаете, кто он такой. Победитель!

Природное честолюбие, помноженное на юность, сжигает его, в воображении он уже примеряет сплетенный из дубовых листьев венок триумфатора.

– Он будет на мне хорошо смотреться, – мечтает Цезарь, украдкой бросая взгляд на размытое отражение в стальном зеркальце величиной с ладонь, большего они с матерью себе позволить не могут, зеркала дороги.

По римским меркам Юлии настоящие бедняки, и Цезарь тревожится, что это станет препятствием к будущей карьере. Но его беспокойство столь же юное, как и он сам, и он не всегда помнит о своей бедности.

Тем более, есть поводы для волнений серьезнее.

Цинна и Сулла, полководцы со звенящими именами, тянут на себя покрывало Рима, и оно вскоре порвется с оглушительным треском, и город оцетинится мечами, и взовется пожарами, и воины будут кричать, а вдовы плакать, и из всего этого появится нечто новое, всегда рождающееся на свет в крови и муках.

Гражданская война – худшая из войн, ведь врагами становятся соотечественники, которые должны быть друг другу братьями.

Но, как ни ужасно ложащееся на страну бремя междоусобиц, война предоставляет одаренным людям шанс проявить себя, чтобы Фортуна обратила на них благосклонный взор.

Для этого нужно стать человеком запоминающимся, популярным и любимым.

Цезарь ищет способы воздействия на умы, изучая повадки и поведение принадлежащих ему рабов.

Как заставить служить себе и подчиняться? На это способны лишь три великие силы, правящие вселенной, – долг, любовь и страх.

Закон, сердце и меч.

Он пытается решить, что из этого надежнее и вернее, и приходит к выводу, что идеальна комбинация, соединяющая три понятия одновременно.

Способны ли на любовь рабы, эти безмолвные существа, составляющие движимое имущество свободных граждан?

Цезарь следит за ними украдкой, словно подобное занятие непристойно или глупо. Его сочли бы сумасшедшим, если бы узнали: кому придет в голову изучать человеческую природу на рабах? Многие поспорили бы даже с тем, есть ли у них душа, та нематериальная субстанция, благодаря которой люди ощущают и размышляют, как писал великий Аристотель.

Поэтому Цезарь предпочитает помалкивать о том, зачем он, например, часто прохаживается рядом с кухней, прячась в тени, чтобы незаметно подслушивать разговоры домашних слуг.

Он вслушивается в их речь – простую и грубую. Присматривается к их жестам – не изящным, но всегда уверенным,

четким, надежным, как движение хорошо прилаженного к телеге смазанного колеса. Их лица спалены загаром и сморщены раньше времени, так скукоживается в засуху виноградная кожура на едва поспевших ягодах. Их спины согбенны кривыми булавками, взгляды устремлены к земле, а когда они становятся слишком дряхлыми, чтобы работать, их отправляют на пустынный островок у истоков Тибра, где они умирают от голода, жажды и болезней.

Казалось бы, это просто вьючные животные.

Но рабы учили его греческому языку, литературе и риторике.

Они учили его думать, при этом Цезарю случалось встречать важных господ с тупыми осоловевшими взглядами, с затвердевшим и неподатливым мозгом, заплывшим жиром. Аристократы с ленивыми умами даже не пользуются своим золотом, это оно пользуется ими.

Родословная и звания важны в общественной жизни, но ничто не перевешивает природных особенностей человека.

Трус всегда остается трусом, будь он облачен в сенаторскую тогу или в дырявые лохмотья, старинное имя не прибавит ума глупцу, а табличка невольника на груди не скрывает проницательного взгляда и не портит толкового замечания, если раб наберется смелости его высказать.

Как ищущий натуру художник, Цезарь присматривается к окружающим: к патрициям, воинам, жрецам и чиновникам, к преторам – старым знакомым и коллегам отца, наве-

щающим его мать, чтобы выразить соболезнования по поводу кончины супруга.

У свободных людей он учится не думать, а скрывать мысли и играть роли, как мальчишка, отданный к мимам в уличный балаган и подражающий их ужимкам. Перед зеркалом он повторяет позы, жесты, взгляды и произносит тирады, все больше убеждаясь, что одно вовсе не обязательно связано с другим, слова лгут чаще всего: по суетливому движению пальцев рук человека можно понять об его истинных намерениях больше, чем прочитав подписанный им указ.

Рабы не актерствуют и не притворяются, они честны, как животные.

Поэтому у них проще научиться, как узнавать о людях правду, не спрятанную за громкими словами о счастье для всей Республики.

Нельзя управлять людьми, не зная людей и будучи к ним безразличным, иначе закончишь кровавым тираном, подобно свергнутому царям древности, а вверенные тебе владения погрузятся в пасть Хаоса, всегда сторожащего любую возможность поглотить живую жизнь, в которой и без того едва намечены контуры порядка.

Вопросы одолевают его целыми днями, не дают спать по ночам, громяют среди закоулков разума, как падающие с горных склонов в ущелья камни.

Люди объединены государственным порядком, но не иллюзия ли этот порядок вовсе?

Что значит Республика? Истинное единство граждан или альянс против остальных государств, считающихся нашими врагами априори, ведь мы ненавидим всех, кто не является нами самими?

Что значит человеческая жестокость? Худшее побуждение или естественное проявление нашей природы? Когда жестокость следует считать оправданной?

Что значит правитель? Слуга народа или его господин?

Что значит мир, что значит жизнь, что значит смерть, из чего сложена Вселенная, и зачем быть в ней человеку?..

Поскольку Цезарь еще молод, иногда он уверен, что узнал ответы.

Вместе с горделивым осознанием собственной непомерной мудрости к нему приходит ощущение одиночества и бессонница, по ночам он томится, вертясь с боку на бок, и ему горько, и сладко, и отчего-то хочется плакать.

А иногда, словно разбуженный резким ударом, он вдруг вскакивает на постели в шершавой темноте, вслушивается в сгустившуюся тишину, и ему мнится, что во всем мире есть только он со своими беспокойными мыслями, скачущими, как просыпавшиеся на пол горошины.

Смерть сидит рядом с его постелью и смотрит на него, не отрывая двух черных провалов в черепе, таких пустых, таких переполненных... Серебристые лунные блики скользят по гладким костям.

Цезарь отважно поднимает на нее глаза, и они играют со

Смертью в гляделки, а потом его веки слипаются, и он засыпает так спокойно, будто его напоили ивовым настоем или черным маковым молоком, что варят на берегах Леты.

Он умрет однажды и знает об этом, в осознании конечности своего пути он учится черпать уверенность и бесстрашие. Когда она придет к нему в последний раз и уведет за собой, он будет готов и встретит ее, как друга.

Цезарь спит, и Смерть сторожит его покой.

Позже ему будут говорить, что чаще всего улыбается он во сне.

Nominem quaero

Устроившись на лежанке с поджатыми по-детски ногами, Цезарь смотрит невидящим взглядом в окно, скрытое за мерцающей пластинкой слюды, и запихивает в рот ломтики спелого персика, не чувствуя вкуса, как жующая сено лошадь.

Мысли заполняют его целиком и уносят прочь от мира, лишь брэнное тело остается в доме, а сам Цезарь – далеко, меряет шагами площадь перед зданием Сената, испепеляя его осуждающим взором.

Сенат поставил Суллу во главе армии, чтобы разбить понтийского царя. Теперь у Суллы есть собственное войско, выделенное ему правительством на законных основаниях. Все равно, что хозяин дома сам поднес бы грабителю ключи.

– Сборище старых ослов! – кричит Цезарь, врываясь в своих мечтах в Сенат. – Народное собрание дальновиднее вас и пыталось воспротивиться этому решению, но, боюсь, сейчас уже поздно.

Липкий персиковый сок капает на домашнюю тогу; чтобы его оттереть, Цезарь слюнявит палец, бурча:

– О, благородные патриции, вы страдаете расслаблением мозга!

Ему ужасно хочется с кем-нибудь поделиться своими соображениями, не опасаясь, что его перебьют, назовут маль-

чишкой и посмеются.

Но мать, как и положено благонравным матронам, далека от политики, а его приятелей занимают попойки, гладиаторские бои и потешные сражения, во время которых они бряцают мечами, радуясь, что отметили друг друга царапинами в шутливой потасовке. Еще все они наперебой влюблены, и это лишает их остатков разума: они пишут дурные стихи, неумело щиплют арфы и мечтают о чьих-нибудь глазах, похожих на звезды, вечном блаженстве слияния душ и прочей щенячьей ерунде.

Цезарь мечтает, как муж его тетки полководец Гай Марий придет к нему за военным советом, благодаря которому Сулла потерпит позорное поражение, а Марий со слезами на глазах пожмет его руку и скажет, что никогда не встречал подобной стратегической дальновидности в столь раннем возрасте.

И он не пишет никаких дурацких стихов, возможно, лишь бросает в печку пустые листы с одной начальной строкой «О Рим, осененный божественной милостью!»

Дальше у него не получается сочинить, ни Каллиопа, ни Эвтерпа, ни, уже тем более, Эрато⁶ его не благословили. Ему остается только писать повесть о собственной жизни, которая обязательно будет блистательной. А Рим, осененный божественной милостью, может катиться в Тартар. Фигурально выражаясь, разумеется.

⁶ Музы эпической, лирической и любовной поэзии.

Впрочем, пока с ним не происходит ничего увлекательного и заслуживающего памятных слов, а Город лихорадит, и даже сам воздух кажется больным и жарким, будто Рим охватила горячка и он мечется в своей огромной каменной постели.

Держать при себе мысли, порхающие быстрыкрылыми птичками в сознании, становится все труднее, они делают его беспокойным и требуют беседы.

Разговор с глупцом тягостен и вреден для ума, разговор с мудрецом – живительный источник познания, но все знакомые Цезарю мудрецы давно умерли, они живы лишь на пергаменте старинных свитков и не могут ответить на все его вопросы.

Подходящий собеседник находится поистине удивительно, когда однажды Цезарь случайно сбивает со стола глиняную амфору с вином. Блики медового солнечного света плавают в красной влаге среди осколков.

У прислуживающего Цезарю раба, наклонившегося, чтобы прибрать беспорядок, вдруг мелькает на губах задумчивая улыбка, через миг сменяющаяся обычным бесстрастным выражением ожившей мебели, имеющей по прихоти богов те же конечности и голову, что и у свободных людей. «Нет ничего совершеннее, чем наше общество. У нас нет ничего, что противоречило бы справедливости и добродетели. Что же касается рабов, то их собственно не следует брать в рас-

чет».⁷

– О чем ты сейчас подумал? – с любопытством спрашивает Цезарь раба, проследив направление его взгляда.

Сам он видит на полу разбитое целое, окропленное алым.

– О гражданской войне, доминус⁸, – отвечает раб, не разгибая спины и не поднимая взгляда, как положено всем низшим.

Но ответ, слетевший с его губ, принадлежит не животному и не мебели.

У раба птичий греческий акцент, проклевывающаяся проплешина на макушке и короткое имя плебея и чужеземца. Его рот словно бы все время улыбается, а глаза – внимательные, как у хорошо обученной собаки.

Цезарь начинает задавать ему вопросы, как той женщине из лупанария, сначала редко, а затем все чаще, и раб не кажется удивленным, откликаясь на интерес пытливого юноши. Он отвечает бойко и споро, он говорит, что родился вольным человеком, но уже почти об этом забыл, и что на его родине бывают холодные вечера, и темно-синяя глина Аттики поразила его в свое время больше белоснежного мрамора Пароса, и что греки ненавидят название Ахайя, которым римляне лишили его страну лица, и что Сулла, собрав там войска, пойдет с ними на Рим.

⁷ Финал выступления одного римского сенатора.

⁸ Почтительное обращение раба или слуги к хозяину или любого нижестоящего к высшему.

– Боги! – Цезарь восторженно хлопает в ладоши. – Я тоже так думаю! Но, похоже, во всем Риме это не приходит никому больше в голову. Как они не видят, что за человек этот Сулла? Как не понимают, что он желает себе той же власти, что была у царей? Они словно ослепли, оглохли и заперли разум на замок! А что, по-твоему, хочет сделать Сулла?

– Он возьмет Город приступом и станет диктатором. Многие поплатятся тогда за свою слепоту.

Это был первый раз, когда Цезарь узнал, что его раб Косма никогда не ошибается.

Сулла объявил себя диктатором меньше, чем через год, и лишь два человека знали о том, что он так поступит, возможно, раньше него самого.

Fidelitas

С младенчества он привык слышать, что род его происходит от богини Венеры, и раньше мысль об этом заставляла его голову кружиться, пока он не понял, что это красивая ложь.

Кроме того, чтобы утвердиться в мире, недостаточно иметь богиню в родословной. Все египтяне считают себя потомками богов, но подчиняются римлянам, хоть и зовут их дикарями. В Риме говорят, что боги Египта проиграли Марсу, потому что слишком стары и потеряли былую мощь.

Молодой Цезарь не верит в богов, но чтит и опасается их немилости, как и все образованные люди его эпохи.

Простолюдины же верят истово, как дети, и отчаянно, как отвергнутые поклонники, все еще надеющиеся вернуть милость охладевших возлюбленных.

Размышления о народной вере приводят Цезаря к смелой, безумной мысли.

Если он желает подлинного преклонения, однажды люди должны объявить богом его самого.

Он не собирается опираться на одну тень Венеры, стоящую за его спиной.

В конце концов, женщины переменчивы.

– Женщины переменчивы, – обращает он великое откровение к склоненной у его ног макушке с проплешиной. – Еще

Вергилий писал, что они непостоянны.

Цезарю семнадцать лет, он постиг всю сложность бытия, служит на мелкой должности при храме Юпитера, носит остроконечную шерстяную шапочку и постную физиономию благочестивого священнослужителя. При желании он уже может отрастить настоящую бороду, вот так-то!

– Хорошенькие мысли для того, кто скоро женится, – замечает Косма, зашнуровывающий сандалии господина.

– Я смотрю на вещи трезво. Много ли мы знаем таких достойных матрон, как матушка и тетя Юлия? Моя невеста Корнелия прелестна, и я горю от страсти к ней, но станет ли она примерной женой? Вдруг появится щеголь, который начнет за нею волочиться? Даже добродетельные женщины падки на лесть.

– С таким настроем лучше вовсе не жениться.

– Не жениться?! – восклицает Цезарь гневно. – Сам Сулла не заставит меня отказаться от дочери Цинны. Он косо смотрит на наш брак и грозитя лишить меня того невеликого состояния, которым я обладаю. Но я плевать хотел на его угрозы!

– Будем ли мы так же плевать на тирана, если окажемся в проскрипционных списках? Девичья красота не стоит того, чтобы идти наперекор Сулле. Попомнишь мои слова, если тебе придется бежать из Рима.

– Ты слишком дерзок, – хмурится Цезарь, – я велю тебя выпороть.

– Как тебе будет угодно, доминус. – Косма поднимается с колен и склоняет голову, как впряженный в плуг вол.

Его дутое смирение выглядит уморительно, но смеяться нельзя, иначе раб окончательно обнаглеет.

Происходит обычно так: Косма язвительно комментирует хозяина, Цезарь суровым тоном обещает подставить его под плети, раб немедленно раскаивается и готов принять заслуженное наказание.

Ни один из них в это не верит, но они должны соблюдать правила, мать и так укоряет Цезаря за то, что позволяет греку неслыханные вольности:

– Что подумают люди, если услышат? Как бессовестно пользуется он твоим расположением!

Однажды Цезаря сражает один из его мучительных приступов, накатив внезапно, словно в голове разбушевалось горячее море и залило изнутри целиком, не дав и вздохнуть.

Цезарь болен и никогда не излечится, но не жалуется на страдания и переносит их стойко. Больше всего его беспокоит то, что припадки лишают его власти над собой, превращая в беспомощную жалкую тварь, как воющие в предчувствии ножа жертвенные быки, которых он закалывает в храме.

Теряя сознание, он словно исчезает совсем, впадая в беспамятство. Чья-то могучая рука опускает его лицом в мертвые воды Леты и держит, пока в разуме не погаснет последний светильник.

Иногда же во время приступа он не забывает себя, но

слышит льющуюся откуда-то дивную музыку, к нему приходят необыкновенные видения, окрашенные закатным багрянцем, полуденным золотом и царственным пурпуром, и они так причудливо прекрасны, что ему не хочется возвращаться назад.

А бывает, его окружают со всех сторон вспышки, белые огни полыхают на изнанке век, пожар взвивается в голове, и после терзает чудовищная боль в груди и в животе, сопровождаемая сильной рвотой.

После судорог он всегда мерзнет и слаб, как младенец.

В детстве он верил, что проклят за неведомые грехи кем-то из богов. Врач, лечивший заклинаниями и сожжениями пряно пахнущих курений, сказал, что в ребенка, неистово колотящего по полу ногами, вселяется Марс. Другой целитель, увидев идущую изо рта пену, заявил, что его посещает Нептун. Третий, отмечая яростный зубовный скрежет стиснутых челюстей, уверял, что мальчик проклят Кибелой.

Цезарь молил свою прародительницу Венеру о заступничестве перед богами, но та не желала ему помогать. Когда он подрос, то отправился на поиски медицинских трактатов и узнал, что Гиппократ связывал «священную болезнь» с особенностями строения мозга. О проклятиях богов целитель не упомянул.

Но от людей его недуг необходимо скрывать. Бог не должен валяться на земле с пеной у рта, даже человек едва ли может себе такое позволить. Большинство людей разбежа-

лись бы при виде его судорог, а кто-нибудь, решив, что в него вселился злой дух, мог бы и убить.

Пока ему везет, и его секрет хранится в пределах дома, где свидетелями припадков становятся только мать и рабы, на лицах которых ему доводилось видеть отвращение и ужас.

Очнувшись однажды после приступа и приподнимая тяжелые, будто занесенные песком ресницы, он видит над собой смуглое лицо Космы, распадающееся на отдельные черты.

Цезарь тихо стонет, ощущая ноющую боль в животе. Дурнота полощется в глотке, и все вертится перед глазами. Стены и потолок кажутся непрочными. Это потому, что сам он – непрочен.

Но на лице Космы нет священного страха.

– Ты так трясся, – произносит раб тихо, – я хотел удержать голову, чтобы ты ее не разбил.

Он нервно сглатывает и слегка морщит нос. Цезарь перемещает плывущий взгляд вниз и видит ладонь раба с кровавыми отметинами зубов.

– Нужно было всунуть что-нибудь в рот, иначе ты откусил бы себе язык, но ничего подходящего не оказалось под рукой, – Косма улыбается своей лукавой улыбочкой, будто говорит о чем-то смешном, – кроме самой руки.

Цезарь прокусил его ладонь до мяса, а раб терпел и ждал, когда минует приступ.

Больше Цезарь не грозитя Косме плетью, хотя никогда

не перестает задаваться вопросом: движет ли его рабом долг,
любовь или страх?

Быть может – то самое совершенное сочетание.

Bithynia

– Он влюблен в тебя.

– Что?!

– Ты спросил, что я думаю о царе, – отвечает Косма, не моргнув глазом. – Он влюблен в тебя или же, по крайней мере, очарован своим «строгим римским Ганимедом», – раб с невероятной и насмешливой точностью копирует вифинянский акцент, – в достаточной степени, чтобы жаждать тебя... хм... Ты понимаешь.

Спасибо, хоть удержался от похабной ухмылки.

– Замолчи! – сердится Цезарь. – Ты мелешь чушь!

– Как тебе будет угодно, доминус, – Косма демонстрирует смирение щеками и шеей, но не демонстрирует его всем остальным.

– «Как тебе будет угодно, доминус!» – раздраженный Цезарь опускается до того, что передразнивает раба, и злится от этого пуще прежнего. – Мне угодно, чтобы ты не повторял глупостей за дворцовыми сплетниками. Треплют языками целыми днями, точно рыночные торговки! И ты вслед за ними. Местная жара так на тебя действует, Косма?

– Ты напрасно отказываешься слушать дворцовые сплетни, мой господин. – Раб, в противовес ему, выглядит полностью невозмутимым. – Даже когда эти бездельники перевирают правду, она остается правдой.

– Ты что же это, поучать меня вздумал?!

Большие глаза Цезаря сужаются в две маленькие посверкивающие щелочки, он чувствует себя юным и глупым, и ему нестерпимо стыдно за это. А ведь он так старается не давать воли чувствам! Кажется, неважно у него выходит. Достаточно было столкнуться с первой же ситуацией, в которой непонятно, как поступать, и вот он уже орет на слуг, будто капризный испорченный ребенок, требующий, чтобы его кормили сладким льдом в душный летний день. Ну, не позорно ли это?!

– Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав, – добивает его Косма с достоинством сенатского оратора.

Цезарь запускает в него пустым кубком.

Золотым, изукрашенным драгоценными камнями кубком, одним из многочисленных роскошных подарков царя. Ах, как щедр к нему государь Вифинии!

Но ведь Никомед Филопатр очень богат, подобный дар для него ничтожен. Он может осыпать римского посланника дождем из кубков и ни капли не обеднеть. В его стране есть множество и золота, и серебра, и других сокровищ, и все привержены избыточной восточной роскоши, намащенной и задрапированной в шелка. Даже бедняки носят узорную одежду, женщины бренчат ожерельями и браслетами, будто римские плясуньи, а мужчины сурмят глаза и брови и заплетают бороды в косицы, унизывая их бусинами и жемчужинами.

Царь носит по перстню на каждом пальце, кожа натерта ароматической мазью, приторный запах которой бьет в нос, когда Цезарь склоняется, чтобы приложиться губами к холерной руке. Гордый римский гражданин не должен так поступать, но тут свои обычаи, ему сказали, что царю будет приятно, и, кажется, Никомеду стало слишком приятно...

– Я поставлю обратно на стол, с твоего позволения. – Косма, ловко увернувшись от броска, подбирает упавший кубок с мягкого персидского ковра, устилающего цветастый мозаичный пол. – Какие будут на сегодня приказания, доминус? Приготовить тебе прохладную ванну?

– Пошел вон! – вопит Цезарь, теряя всякое самообладание, и раб удаляется, согнувшись в поклоне, но с тем же язвительным выражением на физиономии.

Что за распутившаяся, невыносимая тварь! Содрать бы с него кожу или распять, бросить бы гепардам и львам, благо, тут целый зверинец в клетках, провались он в свой Аид, этот проклятый грек, провались он еще дальше, потому что, конечно же, ехидный мерзавец опять прав!

С женским полом Цезарь неплохо научился обращаться, но что прикажете делать со влюбленным мужчиной, тем более, если это непривыкший получать отказов царь?

В огорчении Цезарь заваливается на постель и колотит кулаком по подушке, это мягчайшая вышитая подушка, набитая пухом и розовыми лепестками, проклятье, это – женская подушка! Он предпочел бы обычную – жесткую, кожа-

ную, походную, он предпочел бы оказаться в штабе пропретора, куда уехал, спасаясь от гнева Суллы, когда отказался развестись по требованию диктатора со своей женой, едва не поплатившись за это жизнью, не потому, что так уж любит Корнелию, а потому, что ненавидит, когда кто-то пытается им распорядиться. Он не намерен склоняться ни перед кем – тиранами, султанами, царями, Мегера разбери, кем! Опустись однажды, больше не сможешь подняться, станешь мальчиком для утех, ни за что не отмоешься от такого пятна, не дай боги, пойдут слухи и донесутся до Рима, что за наказание и злосчастье...

Оборвав усилием воли безобразную истерику, он поднимается на ноги и выходит на балкон, чтобы глотнуть воздуха и развеяться.

Близится вечер, небо сгущается на западе лиловым, но предзакатное солнце еще пышет жаром. С моря тянется легкий бриз, зовущий отправиться к воде и искупаться, смыв с себя заботы, тревоги и неподобающую мальчишескую злость.

Цезарь хотел бы вскочить на коня и в одиночестве поехать на прогулку, как простой горожанин.

Шумная свита и вооруженное сопровождение охраны ему не нужны, хватит и собственного меча, чтобы постоять за себя. Теперь он умеет по-настоящему колоть, и резать, и протыкать, и проливать кровь, хоть пока и не привык к ее виду, но, должно быть, это еще впереди, ко всему ведь можно

привыкнуть.

Странная мысль вдруг посещает его: похожа ли собственная кровь на чужую?

– Своя кровь должна казаться ярче, – шепчет он, глядя на алую рану заката, – и ты не поверишь в нее, она удивит тебя, как ребенка...

Он встряхивает головой, отгоняя видение своей крови.

Улицы города заметены пылью и запорошены песком, словно серой вуалью, а в великолепном дворце с толстыми каменными стенами свежо и прохладно, но его роскошь – душная, вязкая, как смола, она давит на плечи слишком тесным объятием, которого ты вовсе не жаждешь.

Никомед не отпускает Цезаря от себя, желает видеть его каждый день, а Косма намекает, что к этому прибавятся ночи, будто вифиниец имеет дело не с женатым взрослым римлянином, а с рабом-катамитом⁹. Послать бы все к фуриям и умчаться подальше!

Только никуда он не поедет. На вечернем пиру царь будет ожидать от него исполнения обязанностей виночерпия. Странная должность для римского патриция, вызвавшая множество толков и недовольства среди местных придворных честолюбцев. Но назначение виночерпием один из подарков Никомеда, а от даров царей не отказываются.

Цезарь вспоминает, как зашвырнул в Косму золотым кубком.

⁹ Юноши-проститутки, обслуживающие мужчин.

Знал бы Никомед, как непочтительно обошлись с его даром! Думая об этом, Цезарь невольно посмеивается и чувствует себя очень молодым, а это так не на руку ему, так не на руку! Пусть даже Сулла польстил ему, сказав своим сторонникам: «Остерегайтесь мальчишки, в этом Цезаре сидят сотни Мариев», но кто знает в Вифинии о римских делах?

Италия далеко, с просторного балкона дворца, поднимающегося выше любых римских зданий, распаивается перед Цезарем чужая страна, выпеченная под беспощадным солнцем. Краски здесь броские, зелень сочнее и гуще италийской, побережье топорщится пальмовыми опахалами, а море теплое, как травяной настой, и ленивое, как царская наложница.

В Вифинии все делается медленнее, чем в Риме, сама жизнь идет в полусонном ритме, нежась на шелковых подушках.

Цезарь приехал сюда, и его кожа вдруг стала казаться слишком бледной, а глаза слишком светлыми, лишь голос звучал громче и резче, чем плавно текущие местные речи, вычурные и льстивые настолько, что от их сладости склеивает зубы. Он уставал от славословий, но научился подражать им, к вящему довольству царя:

– О, повелитель, позволь облобызать землю у твоих ног! Блистательный, как множество солнц на восходе! Чем я могу услужить тебе сегодня?

Было ошибкой вести себя так, следовало держаться стро-

же, напоминая о своем происхождении и не изменяя обычаям Рима. Не станет римлянин целовать землю ни перед чьими ногами! Но ему хотелось угодить, понравиться, произвести благоприятное впечатление и обрести могущественного покровителя на Востоке. И вот обрел на свою голову, спасибо злым духам.

Зато ему удалось выполнить приказ римского наместника в Азии пропретора Марка Терма, доверившего ему переговоры с царем. Теперь корабли Никомеда отправятся на остров Лесбос, чтобы помочь Терму сломить сопротивление Мителены. Пропретор получит флот, царь – почетный титул Друга римского народа, и Цезарь наверняка получит военную награду и первую славу. Он умеет быть очень убедительным! Интересно, в чем бы еще он мог убедить Никомеда?

Он скользит взглядом по линии горизонта, искривленной хребтами гор, падающее солнце озаряет их, как золотой царский венец.

Если позволить утонуть взору в этой бескрайней дали, если долго вглядываться в плотное небо, усыпанное рыжими перьями заката, то начинает мерещиться всякое: стройные ряды конницы и пешие воины, наконечники копий и заостренных металлических шлемов, холодное сияние щитов и мечей, без счета загорелых черноглазых лиц, без счета топчущих ног, шагающих на запад...

Армия.

Войска, с которыми можно будет выступить на Рим про-

тив Суллы, что выгнал Цезаря из Города, отнял имение и вынудил спасаться бегством в Азию.

Если он пообещает Никомеду часть того влияния, которое получит в Италии, если посулит помощь в борьбе с врагами Вифинии, если закрепит их союз не только на ложе, но и на бумаге, царь мог бы дать ему настоящее войско.

Он бы обошелся с таким подарком не так, как с брошенным кубком, армию бы он холил и лелеял, и она не стоила бы ему ни сестерция.

Цезарь пробует на вкус тягучую сладость соблазна.

– Отравленный мед, – придумывает он поэтический оборот. – Один раз упаду, не смогу подняться.

Проглотив тяжкий вздох, он зовет Косму, который всегда оказывается где-то рядом, и велит помочь переодеться для пира в шитые серебром многослойные одежды с богатой бахромой понизу и шелковым кушаком. Как не похоже на простую римскую тунику. Цезарь досадливо морщится, но усмиряет свое лицо, принимающее спокойное, благожелательное выражение вежливого гостя и усердного слуги.

– Что, выгляжу я юным Ганимедом, божественным виночерпием и возлюбленным своего господина? – осведомляется он хмуро.

– Нет, – отвечает Косма, – внутри ты носишь другой наряд.

Цезарь незаметно улыбается и уходит туда, где должен сейчас быть.

Эти дворцовые своды – всего лишь одно из многих мест.

Mare internum

Синий клубок моря, сплетенного с небом, разматывается и разматывается до бесконечности сквозь крошечное окошко трюма. В каюте несет рыбой, тиной и просоленной сыростью.

В дополнение к морской отрыжке имеется и другая вонь: Косма с позеленевшей физиономией склонился над ведром, беднягу жестоко тошнит. Раб плохо переносит качку, страшно и представить, что бы с ним стало, не иди корабль по гладкой воде на веслах, а подгоняй его буйный ветер, вздувающий пузырями паруса.

Цезарь чувствует себя прекрасно, он вынослив во всем за вычетом своей болезни. Немного кружится голова, но он старается не обращать на это внимания.

Придвинув к узкой скамье, на которую уселся, огромный сундук со своими вещами, он погружен в поиски свитков с недавно начатыми первыми записями. Пока это беглые наброски впечатлений о Вифинии, черновики речей и планов, отрывки туманных рассуждений о государственном устройстве и мироздании. Не перевернись все во время нападения вверх дном, свитки лежали бы в полном порядке аккуратно уложенными сверху. Теперь они валяются в куче скомканной одежды и, как назло, в самой глубине. Сколько у него туник, плащей, тог и прочего тряпья, подумать только! Следо-

вало бы приказать заняться поисками рабу, но Косму нельзя разлучать с ведром, это чревато дурными последствиями.

Из угла раздается придушенный вопль, исполненный невыразимого страдания.

– Приободрись! – советует слуге Цезарь. – Мы вскоре прибудем на место, где нас высадят дожидаться выкупа. Жаль только, не попадем на Родос, куда я так стремился, чтобы изучать ораторское искусство.

– Нет, это плаванье никогда не закончится, – стонает раб. – О, великий Посейдон, за что ты так наказываешь меня?!

– Зато ты жив. Возблагодарим за это людскую жадность.

– Я предпочел бы умереть! На водах Леты не будет такой ужасной качки.

– Стоит только сообщить твоё желание нашим гостеприимным хозяевам, и за этим дело не станет. Лучше держи свой рот на замке.

– Я не могу держать его на замке! Мое естество противится этому, моя бедная утроба протестует. Чую, близок мой конец!

– Для умирающего ты слишком разговорчив, – усмехается Цезарь. – До чего же ты неблагодарен, Косма! Тебе бы плясать от радости, что пираты согласились пощадить твою никчемную жизнь. К слову, ты обошелся мне в целый талант. Похоже, ты самый дорогой раб на свете, о болтливейший из греков.

– Позволь мне поцеловать твои ноги, щедрейший и ми-

лостивейший из римлян, – предлагает Косма не совсем исполненным благоговения тоном и делает опасное поползновение в сторону хозяина.

– Сейчас не стоит, – хмыкает Цезарь, нащупывая свиток в ворохе одежды. – Ага, нашел!

– Зачем это надо? – спрашивает раб, изнеможенно откидываясь на стену трюма, его бледное лицо покрыто испариной и похоже на комок сырого теста, волосы слиплись, вид у него самый жалкий.

– Меня пригласили на ужин, – отвечает Цезарь, пробегаюсь взглядом по строчкам, он может читать и говорить одновременно, он может думать об одном и говорить о другом, и он может улыбаться за ужином, строя планы, которые не понравятся тем, кому он рассыпает улыбки. – Капитан даже обещал подать фалернское вино, которое они у нас забрали. Для разбойника у него недурные манеры. Я решил, если они будут со мной хорошо обращаться, когда я соберу в Милете флот и разгромлю пиратов, то обойдусь с ними великодушно.

– О великие боги, наши жизни висят на одной нити, и неизвестно, когда будет собран такой большой выкуп и доставят ли его раньше, чем нам перережут глотки, а мы уже успели возглавить флот, – бурчит Косма. – Почему бы нам не покорить Парфию, пока мы сидим здесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.